

18+ Мария Пустовалова

У камина

Сборник рассказов

Мария Пустовалова

У камина. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618946

ISBN 9785005301055

Аннотация

В сборник «У камина» вошли рассказы, написанные в 2020 году. Их можно почитать вслух в компании друзей или уединившись в уютном кресле с теплым пледом и вазочкой с печеньками. Рассказы не связаны одной сюжетной линией, и вместе они, как разноцветные стёклышки в калейдоскопе, составляют забавный узор жизненных ситуаций и характеров. Приятного чтения!

Содержание

У камина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

У камина
Сборник рассказов

Мария Пустовалова

© Мария Пустовалова, 2020

ISBN 978-5-0053-0105-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

У камина

На каминных часах едва пробилло одиннадцать. Зимний декабрьский вечер властно обнял холодными руками город. В частном доме, на Майнсайт-роуд шесть, уютно горел камин. Дрова задорно потрескивали, периодически выпуская яркие искры. Его владелец, Шон Хейз, развалился в кресле, вытянув ноги в удивительных вязаных носках с очень сложными узорами. Он был крупным мужчиной за пятьдесят, а может ближе к шестидесяти. На круглом лице читалось довольство своей жизнью. Маленькие шаровидные глазки внимательно смотрели на Джека, старого приятеля.

ля Шона, с которым он не виделся вот уже лет тридцать пять, а то и больше. Джек Паркер выпил достаточно бурбона, чтобы начать вспоминать свое прошлое.

– Я тогда торговал картинами. Да, интересное было время. У меня были отличные костюмы, конечно, не сразу, а после нескольких удачных продаж. Начинал я скромно. Ходил по выставкам молодых, никому не известных, художников. Знаешь, они объединяются в группки и снимают какое-нибудь дешевое помещение, а потом приглашают туда своих друзей. И надеются, что кто-то купит их роскошные картины. На таких выставках я вскоре стал как рыба в воде. Набил глаз, что называется. Угадывал, какие работы через некоторое время вырастут в цене, какие будут пользоваться спросом у покупателей.

И вот однажды я решился на свою первую покупку. Прекрасно помню тот летний вечер: темнеет поздно, весь день шпарило солнце, а когда солнце зашло, сумерки дали возможность дышать полной грудью. Я понял, что сегодня надо осуществить задумку. У меня были накопленные деньги, не слишком много, но и работы молодых авторов довольно дешевы. Мне показалось, что для первой покупки картины я выглядел недостаточно хорошо, поэтому прежде, чем идти на выставку, я забежал в парикмахерскую. Меня постригли и уложили волосы. Тогда их было у меня в достатке: густые, каштановые и довольно непослушные. Мне редко нравятся укладки, но тогда надо мной отлично потрудились, и в буду-

щем я взял на вооружение зачесывать волосы именно таким образом. Вся шевелюра убирается назад с помощью специального геля, а передняя прядь, чуть длиннее, остается свободной. Мне это шло.

В общем, я надел свой лучший костюм, а он у меня был один, самый простой, темно-синий, черную футболку под него и вышел навстречу своей мечте. В то время я был вдохновлен идеей маркетинга. Повсеместно в городе были развешены разнообразные рекламные плакаты, постеры и вывески. Это только входило в моду. Мне казалось, что я одним из первых понял, что это такое, маркетинг. Так преподнести товар, чтобы у тебя оторвали его с руками. Мне хватало совести понимать, что товар не должен быть отвратительным, но я догадывался, что ему не надо быть и первоклассным. Достаточно уверенного среднего качества. И поскольку язык у меня был подвешен как надо, я не сомневался в успехе своей затеи. «Что такое добавленная стоимость? – размышлял тогда я. – Это то, что я расскажу о картине сверх самого произведения, какая-то история».

– Постой, Джеки, ты просто морочил людям голову? – Шон вытянул свои короткие ноги поближе к огню.

– Можно и так сказать, но мне действительно близка идея маркетинга. Это история, а мы все любим хорошие сказки. Ты можешь купить рубашку за \$15, она будет качественная, но без изюминки, а можешь купить рубашку Гуччи за \$1015 и за ней стоит история всего бренда самого ма-

стера Гуччио Гуччи. Ты будешь чувствовать запах Флоренции, где был основан Гуччи, несмотря на то, что все сделано в Китае. В общем, мы сами подписываемся на такой самообман.

Этот ответ удовлетворил Шона, и он кивнул, мол, продолжай.

– На чем я остановился? – спросил Джек, потеряв конец своего повествования в дискуссии о маркетинге.

– Ты вырядился как Дон и направился покупать свою первую картину, чтобы втюхивать ее потом каким-нибудь простакам, предварительно запудрив мозги, – быстро напомнил Шон, отпивая из бокала виски.

– Шон, Шон, Шон, – отсмеявшись сказал Джек. – Из твоих уст это звучит как анекдот, а ведь я действительно в этом участвовал.

– Ну что ты, Джек, я ничуть не приукрасил, – он подмигнул и покружил свой стакан с виски так, что кубики льда тихонько стукнулись друг о друга. – Сколько тебе тогда было? Девятнадцать? – Спросил Шон.

– Вообще-то двадцать четыре, – откликнулся Джек и посерьезнел. – Я поздно повзрослел, если ты об этом.

– Вернуть бы эти годы, – с меланхолией воскликнул Шон.

– Без сомнения, лучшие годы жизни. Ни кредитов, ни протекающей крыши, ни платы за учебу детей...

– Кажется, мы стали старперами, – прервал рефлексию Шон. – Но в нашем возрасте есть свои преимущества.

– Да, например, не нужно тащить девушку в постель.

– Верно, и зовется она женой, и идет туда по собственной воле, и не потому что хочет тепла и ласки, а потому что устала, – подытожил Шон.

Оба мужчины захохотали, если не сказать «заржали как кони». Джек продолжил рассказ:

– Когда я пришел на выставку, то сразу обратил внимание на пару картин. Работы были приятными, на мой вкус, разумеется. Я уже повидал немало картин молодых художников, поэтому мне было с чем сравнивать. Долго переходил от одной работы к другой, и, наконец, остановил свой выбор на полотне с городским пейзажем. Черно-белые крупные мазки образовывали силуэт небоскребов. Не типичный *скайлайн*, который мы привыкли видеть: Манхэттенские высотки издавека, а что-то действительно необычное. Вид на город был свысока и сбоку, поэтому вошло всего несколько зданий, и они были довольно крупными. Несмотря на некоторую мрачность, полотно не выглядело пессимистичным, скорее, наоборот, деловым, энергичным. Кажется, это было мое настроение того времени: амбициозный, деятельный, бодрый.

Автор, написавший картину, долговязый парень с вытянутым лицом, стоял в сторонке, пытаясь придать лицу скупающее выражение. Но стоило мне перейти к полотну другого художника, он начинал ломать руки и переступать с ноги на ногу, будто хотел в туалет. Честно сказать, сейчас я да-

же не помню, что было на другой картине. Посетителей было немного, поэтому определившись в пользу долговязого, я без особого труда выбил себе приличную скидку.

Следующие несколько дней я ходил, лучезарно улыбаясь. Картина стояла у меня дома, на комодe, прислоненная к стене. Меня так вдохновило то, что я сделал первый шаг, что дальнейший путь, который мне предстоял, меня не волновал. По крайней мере те несколько дней, когда я был горд собой, что инвестировал деньги в картину, которую продам позже, и назову все это бизнесом.

Удивительно, когда я поставил картину у себя дома, в своей меблированной комнате, которую снимал на стипендию, некоторые мои знакомые, не проявлявшие ранее интереса к искусству, стали меня спрашивать о полотне. Это было первым звоночком, что я на правильном пути. На них же я тренировался «продавать» полотно, как если бы они были моими клиентами.

Однажды ко мне зашел мой приятель Оливер, который слыл репутацией ловеласа. Раз взглянув на картину, он присвистнул:

– Джек Паркер, да если бы в моих апартаментах висела эта картина, у меня было бы втрое больше поклонниц! – Манерно растягивая слова произнес он с улыбкой.

Он явно был восхищен и выразил восторг единственно возможным для себя способом.

– Сочту за комплимент, Оливер, – сказал я, вставая с ди-

вана и подходя к картине.

Квадратная комната, служащая моим местом жительства в те годы, была довольно просторная. Кровать в углу, небольшой сиреневый диван у стены, письменный стол у окна, комод в углу, на котором стояла картина, и было еще одно окно напротив дивана.

– Ты купил ее для себя? – Поинтересовался мой приятель.

– Нет, Оливер, я продам ее и выручу еще денег, чтобы купить две, а потом продать и их.

– Неплохо придумано, – усмехнулся он. – Ты уже нашел покупателя?

– Еще нет, – ответил я.

В этот момент в моей голове промелькнуло, что я даже не знаю толком, кому буду продавать. Через секунду меня охватило чувство тревоги, сомнения в том, что я найду покупателя. Я ведь молодой парень, только заканчивающий университет. Какой взрослый состоятельный джентльмен захочет меня слушать? Мало того, где я возьму этого человека, на улице? Все эти мысли прервал голос Оливера.

– Сколько ты за нее хочешь, Джек?

– Я купил ее за шестьдесят баксов, – честно сказал я. – Художник хотел продать за сотню, но я сторговался.

– Идет, за сто долларов я куплю ее, – уверенно сказал Оливер.

И в этот момент в моем сознании что-то перевернулось. Я только что переживал, что не смогу найти ни одного клиен-

та, и вот мой приятель стоит передо мной и предлагает мне деньги. И вместо того, чтобы принять предложение, я говорю:

– Извини, Оливер, я собирался продать ее не меньше, чем за двести, – вырвалось у меня.

Это пример того, когда говоришь раньше, чем думаешь. Я сначала сказал, а потом испугался собственных слов, хотя на моем лице это не отразилось.

– Джек, если не найдешь покупателя за двести, я всегда буду готов купить ее у тебя за сто баксов.

В тот день мы больше не обсуждали картины, а пошли в бар и, как всегда, Оливер вышел оттуда с какой-то девушкой, обнимавшей его за шею.

После амбициозного заявления о том, что продам картину за двести долларов, мне пришлось изрядно попотеть, чтобы найти покупателя. Я приходил в картинные галереи и медленно прохаживался вдоль скамеечек для отдыха, чтобы завести разговор с посетителями. Через несколько дней я напечатал недорогие визитки, которые раздавал в музеях и на крупных выставках. На карточках значилось «Джек Паркер, арт-дилер» и телефон. Не уверен, что я правильно понимал смысл должности, кажется, я почерпнул идею из фильма.

В какой-то момент я выработал свой подход. В музее я знал все картины. Присмотрев несколько с городскими пейзажами, я бродил неподалеку. Как только посетитель оста-

навливался дольше минуты около нее, я подходил и с невозмутимым видом заводил разговор. Светскую беседу, что-то вроде «Чудесная картина», «автор хотел передать городскую суету». В это время я пожимал руку и вкладывал свою карточку, вроде как вежливо. И в конце беседы добавлял, что у меня есть полотно с похожим сюжетом, всего за двести долларов. «Не хотите ли взглянуть, сэр?».

На десятый день моего ежедневного посещения галереи высокий господин в котелке заинтересовался моим предложением. От неожиданности я на мгновение стал заикаться. Ведь когда терпишь поражение десять дней подряд, уверенность в успехе исчезает. Судорожно стал думать, а куда его вести на показ?

Я выдумал историю о том, что моя мастерская с множеством картин сейчас закрыта на ремонт, но нужная картина находится у меня дома. Мы договорились о встрече на следующее утро. Весь день, вечер и ночь я жутко волновался. Чтобы унять беспокойство судорожно прибирался. Господин покупатель выглядел очень солидным, на вид лет сорок пять. Брюнет с зализанными назад волосами, круглыми тонкими золотыми очками, черным котелком и глубокими темными глазами. Его коричневый клетчатый костюм тройка, бежевая выглаженная рубашка и кофейный галстук были идеально подобраны. Безукоризненный образ. Мне хотелось, чтобы комната выглядела так же опрятно как потенциальный покупатель. Никогда не занимался уборкой настолько тщательно,

даже перед приходом девушки. Вечером помыл пол, протер пыль, убрал все мелочи в комод, открыл шторы и понял, что нужно помыть окна. Утром, забравшись на стул с тряпкой в одной руке и моющим средством в другой, тщательно вымыл окна. В комнате стало еще светлее, даже несколько солнечных зайчиков заплясали по комнате.

Встреча была назначена в полдень. Я был уверен в том, что потенциальный покупатель человек пунктуальный, однако сомневался, что он вообще придет. В двенадцать ноль-ноль в дверь постучали. Нет нужды говорить о том, что я уже стоял у двери.

– Доброе утро, Джек, – поздоровался джентльмен, снимая свой котелок.

В этот раз у него тоже был костюм тройка, но в темно-синих тонах с голубой рубашкой.

– Доброе утро, сэр! – Ответил я, пропуская его внутрь.

– Уютная комната, – вежливо сказал он, оглядываясь. – А, вот и она! – Увидев картину, проговорил мужчина.

До двух ночи лежа в кровати я мысленно проговаривал свою речь. Описание картины, технику, которую использовал автор, светотени и прочие детали. Пришло время рассказать всю эту историю своему первому клиенту.

– Посмотрите, сэр, какая необычная техника использована мастером. Широкие плотные мазки черных тонов передают некоторую мрачность города. Ее разбавляет то, что здания на картине мы видим свысока, поэтому сюжет не давит

на зрителя.

Краем глаза я следил за реакцией господина и продолжал говорить.

– Тут есть глубина, движение, рельеф, – показывал я рукой.

Господин одобрительно кивал головой, иногда сводил брови, рассматривая изображенные небоскребы. Непонятно было, купит ли он картину, но очевидно, что она ему не безразлична. Когда я рассказал все, что знал, что сочинил ночью в кровати и сымпровизировал только что, господин в безупречном костюме сказал:

– Картина мне не нравится.

Я стоял точно громом пораженный. Такого ответа я не ожидал. Еще удивительнее было то, что он сказал следом.

– Тем не менее, картину я покупаю. Это подарок. Для тещи.

Пока я хлопал глазами от удивления, джентльмен сунул руку в карман пиджака, достал оттуда чековую книжку, ручку, и широко расписался. Вырвал чек и со шлепком оставил на столе.

Шон расхохотался. В его глазах весело плясали огоньки отражавшегося камина. Джек подлил обоим еще ароматного кукурузного виски. Дрова в очаге уже не трещали, а медленно горели.

– *Может подкинуть пару дровишек?* – *Шон перегнулся через подлокотник кресла и дотянулся до большой плетеной*

корзины с поленьями.

– Пожалуй, – согласился Джек.

– Какой забавный случай, – поразился Шон рассказу Джек. – Я думал, про тец только байки травят. Мать моей жены – золото.

– Это потому что она живет в другом городе! – Тут же вставил старый приятель, подмигнув. – Это не самый забавный случай, поверь, – продолжил Джек. – Еще интереснее была следующая история.

У меня купили картину с черно-белыми небоскребами, и я снова отправился на поиски новых шедевров. Работал по той же схеме, покупал одну, продавал за большие деньги, покупал еще две. Постепенно у меня стали появляться связи, полезные знакомства, и я все чаще общался не с простыми любителями искусства, а с коллекционерами. Картины росли в цене, мои доходы тоже увеличивались. У меня появились хорошие костюмы. Кстати, я никогда не носил рубашки, это был мой вызов обществу. Фирменный стиль меня двадцатипятилетнего – пиджак на футболку. Если раньше я покупал футболку за пять долларов, то теперь за тридцать. Сам люблю крутые бренды, до сих пор, хотя прошло уже много лет.

Однажды меня представили одной пожилой леди, Джилл Вествуд. Сухопарая дама с высокой прической, жемчужным ожерельем, огромными перстнями с драгоценными камнями и ма-а-аленькой белой сумочкой наперевес руки. Знаешь, она из той породы, что родилась с золотой ложкой во рту.

Вышла замуж за состоятельного мужчину и не работала ни одного дня в жизни. Я пригласил ее на просмотр нескольких картин.

К тому моменту я обзавелся собственной студией почти в центре города. Это было небольшое, но светлое и стильное помещение с высокими потолками. Мне пришлось нанять уборщицу, которая приходила бы раз в два дня, чтобы протирать окна в пол. Это было затратно, не спору, но оно того стоило. Помещение выглядело бесподобно. Картины раскупали хорошо, поэтому в студии было не более пяти полотен одновременно.

Джилл пришла вечером в среду. Середина недели, конец дня, леди была довольно уставшая. «Эти светские встречи выжимают все соки», – пожаловалась она, присаживаясь на мягкую скамеечку в середине студии. Из малюсенькой лаковой сумочки достала тонкие серебристые очки и, повертев в руках, надела. Теперь ее взгляд бродил между несколькими картинами, напротив которых она сидела. Ее заинтересовало полотно с классическим голландским натюрмортом: серебряный кувшин, лимон, виноград, ваза с розами позади, все это на темном фоне. Я описал ей художника, молодого парнишку, рассказал про картину во всех подробностях. Она решила, что купит ее немедленно. Я назвал стоимость – пятьсот пятьдесят долларов. То ли она была глуховата, то ли просто устала, но она сказала: «Что? Всего пять тысяч пятьдесят? Я добавлю еще пятьдесят. Пусть мне доставят ее се-

годня же».

Сначала я подумал, что она шутит. Но Джилл Вествуд легким движением достала из сумочки чековую книжку и выписала чек еще до того, как я успел что-то сказать. В молчании я проводил ее до двери.

Хочешь узнать, что я чувствовал? Я ликовал от такой суммы денег в одночасье. Моя совесть пыталась уговорить алчность отдать чек обратно пожилой даме. «Да что ты, в самом деле! Она так легко рассталась с деньгами, для нее это просто мелочь!» – вот какие мысли в основном крутились в голове. Картину я отправил с посыльным, кстати, это обошлось всего лишь в десятку, и сам направился в дорогой ресторан. Кутить, пить шампанское, знакомиться с девушками. «Сегодня я на коне!».

Я и думать забыл об этой истории, как спустя четыре месяца Джилл Вествуд пригласила меня на ужин. Дружеский визит, «посмотрите, как вписалась картина в нашу гостиную». Конечно, я согласился и в семь вечера стоял у порога ее дома с коробкой шоколадных трюфелей.

Меня впустил в дом дворецкий невысокого роста в черном костюме. Взял мое пальто и проводил в гостиную. Она была заставлена разной мебелью: стеллажи с книгами, буфеты с посудой, большой прямоугольный стол посередине. Все было сервировано к чудесному ужину на трех человек: хрустальные фужеры, накрахмаленные салфетки, золотистые приборы. Меня попросили подождать в большом кожаном

кресле рядом со стеллажом. Снова подошел лакей, которого я принял за дворецкого, и предложил аперитив. Крепленое сливовое вино в изящной зеленоватой рюмке. Сладкий тягучий напиток пришелся мне по душе.

Я встал с кресла и двинулся вдоль стены с буфетом, чтобы рассмотреть лежащие на нем предметы. Это были сувениры из разных уголков мира. Открытки с морскими пейзажами и пальмами, глиняные фигурки, фарфоровые статуэтки, замысловатые камушки и деревянные шкатулки. Я хотел было взять одну вещицу, чтобы рассмотреть поближе, но тут пришла хозяйка и улыбаясь пригласила меня к столу. Джилл была одета в темно-синее платье с длинными рукавами. Ее шею украшали золотые цепочки, в ушах висели бриллианты по три карата, руки усыпаны кольцами. Через минуту из кабинета вышел ее муж, Томас Вествуд, невысокий пожилой мужчина в очках. Он не был так великолепно одет как Джилл, но держался уверенно и дружелюбно. Тогда мне казалось, что они очень старые, наверно, им глубоко за восемьдесят, думал я. Сейчас я понимаю, что ошибался лет на десять, думаю, им было чуть за семьдесят.

Вечер обещал быть теплым и приятным. В надежде на вкусную еду и неторопливую интересную беседу я как ни в чем не бывало уселся на предложенный мне стул. Теперь я заметил картину с голландским натюрмортом, которая висела на стене напротив моего места. Надо сказать, у хозяйки отменный вкус – полотно отлично вписалось в интерьер, так,

что я даже не сразу его заметил.

Нам подали закуски, и завязалась легкая беседа. Я поинтересовался, чем занимается мистер Вествуд.

– Моя фирма занимается поставками медицинского оборудования в частные клиники.

– Как интересно! – Сказал я.

– Да, действительно. Последние годы у нас много заказов по всем городам, поэтому я часто бываю в командировках. объездил всю страну вдоль и поперек, – усмехнулся Томас и провел рукой в сторону комода. – Да и за границей наше оборудование очень ценится.

– Интересные вещицы у вас на полках. Люблю разглядывать сувениры со всего мира.

– Я сам небольшой любитель, привожу для Джилл, конечно.

После прекрасной говядины, тушеной в бургундском вине, нам подали кофе, и мистер Вествуд предложил встать из-за стола и полюбоваться картиной. Чудесный голландский натюрморт, который я продал Джилл, висел на стене с темно-бордовыми тканевыми обоями. Томас сказал, что картина восхитительна, однако, кое-что ему не понравилось.

– Джек, давайте начистоту. Я сам занимаюсь продажами, поэтому понимаю, что каждый человек зарабатывает себе на хлеб. – Речь Томаса из легкой светской перешла в назидательную тираду. – Вы еще молоды, поэтому, вероятно, претендуете не просто на кусок хлеба с маслом, а на бутерброд

с икрой.

Я не знал, к чему он клонит, но его тон мне не понравился. Слегка нервозно отпивая кофе, я ждал, что будет дальше.

– Не хочу навешивать на вас ярлык мошенника, – продолжал муж Джилл, распаляясь, – но, похоже, вы получили деньги от моей жены обманным путем. Мне стало известно, что стоимость картины сильно завышена. Я провел небольшое расследование, и узнал, что художник продал вам свой натюрморт за сотню долларов с небольшим. Принимая во внимание всю вашу работу, полотно можно было бы продать за триста долларов, за четыреста, ну, максимум за пятьсот. Когда Джилл сказала, что выписала вам чек на пять тысяч... – к этому моменту у мистера Вествуда уже дрожал голос, тряслись руки и колени. – Мне стало любопытно посмотреть вживую на такого бессовестного проныру! – Он гневно сверкал глазами прямо на меня.

Комната сузилась до небольшого прямоугольника, в одном конце которого стоял я, а в другом – Томас. Джилл, лакей, большой стол, стулья, буфеты – вокруг нас все растворилось как в тумане.

– Понимаете ли, вышло недоразумение, – пролепетал я под пристальным взором мистера Вествуда и описал ему ситуацию. – Мне так неловко, очень стыдно! Я вам отдам деньги за картину!

Хоть я и говорил, что верну чек Джилл, я понятия не имел, где взять деньги. Давно обналичив всю сумму, я

потратил львиную долю на развлечения, хорошую одежду и ужины в ресторане. На оставшуюся часть я купил еще несколько картин, несколько из которых к тому времени продал.

Джилл подошла к нам, размахивая руками и повторяя: «Ах, какая я старая! Перепутать пятьсот долларов и пять тысяч! Надо же! И ведь я даже не задумывалась, когда выписывала чек!». Что-то в ее манере речи показалось мне чересчур наигранным. Уж вряд ли ее муж не рассказал ей о своем расследовании до сегодняшнего ужина.

Томас уже ничего не говорил, но выглядел сердитым. Видимо, выпустив пар разгневанной тирадой, он несколько смягчился.

– Мне нужно отлучиться, – сказал он, бросив многозначительный взгляд на жену.

Томас поднялся по ступенькам туда, где по моим соображениям находилась спальня. Шаги стихли, и через мгновение мы услышали звук захлопнувшейся дверцы небольшого шкафчика.

– Сейчас накапает себе сердечных капель, – шепнула мне Джилл.

Она не выглядела расстроенной или убитой горем, напротив, ее глаза как-то шально смотрели на меня. Мне хотелось провалиться под землю, я не знал, что сказать, и решил, что самым правильным будет просить прощения.

– Джилл, позвольте мне выразить сожаление. Так посту-

пить с вами мог самый последний идиот, коим я оказался. Мне очень жаль. Я верну вам деньги, только не сразу, потому что такой суммы целиком у меня, конечно, уже нет.

Я старался говорить искренне, в моем голосе действительно звучали нотки мольбы. Руки я выставил перед грудью как во время покаяния, а глаза искали поддержки в глазах пожилой обманутой дамы.

– Джек, – после паузы сказала она. – Каждый из нас выбирает свою дорогу, по которой он будет идти. Зачастую жизнь ставит нас перед выбором, и мы ответственны за то решение, которое принимаем. – Она снова помолчала.

– В тот вечер, когда я покупала картину, я расслышала цену правильно, но сделала вид, что ослышалась. – Джилл приложила руку к уху, и сделала вид, будто плохо слышит. – Вы выглядели таким самоуверенным, рассказывая мне о картинах, и я решила устроить тест. Укажете ли вы на мою оплошность? О, как я смеялась внутри, когда вы недоуменно пялились на меня, пока я выписывала чек на большую сумму. Я думала: «Интересно, проснется в этом молодом человеке совесть?». Но нет, вы отпустили меня и прислали картину. Я полагала, может вы вернете чек позже. «Наверно, он все же одумается», – думала я, и ошиблась. Вы не прислали мне чек, не позвонили, не встретились лично. Мой тест на честность вы не прошли. И я решила поступить так: не приходить к вам и не просить деньги обратно, но больше не покупать у вас картин и никому из знакомых не советовать обращаться

к вам. И вот спустя несколько месяцев мой муж Томас узнал, что стоимость картины сильно завышена. Я не рассказывала ему, что в этом виновата отчасти сама. Томас отходчивый, он скоро простит вас, а я, с вашего позволения, сохраню свою маленькую тайну при себе, – закончила Джилл.

В голове у меня пронесся вихрь мыслей, основной из которых было «Ах ты, старая карга! Что б тебя!». С другой стороны, я понимал, хоть и в глубине души, что совершил ошибку, а за ошибки надо платить.

– Я рада, что этот урок случился с вами в начале пути. Уверена, вы не будете больше так поступать.

Естественно, я заверил ее в том, что всецело признаю ошибку и не совершу ее вновь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.